

Читайте романы Эммы Скотт:

«Пять минут жизни»

«Дотянуться до звёзд»

«Зажечь небеса»

«Не оставляй меня»

«Не дай мне упасть»

«Среди тысячи слов»

«Свет между нами»

«Стань моим завтра»

«Сейчас и навечно»

«Как спасти жизнь»

«Однажды я выберу тебя»

«Девушка из песни»

«Когда ты вернёшься ко мне»

Продолжение следует...

ЭММА СКОТТ

СЕЙЧАС
И
НАВЕЧНО

Freedom
Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С44

Emma Scott
FOREVER RIGHT NOW

Copyright © 2017 Emma Scott
Cover design: © Sandra Taufer Grafikdesign
Cover image: © Shutterstock.com (ChunnapaStudio,
Klavdiya Krinichnaya, motion_dmitriy, Africa Studio)
Image Numbers: 1134089417, 744944554, 1147237415, 292405142

Адаптация дизайна, макет *Юрия Щербакова*

Скотт, Эмма.

С44 Сейчас и навечно / Эмма Скотт ; [перевод с английского Ж. Силаевой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с. — (Freedom. Романтическая проза Эммы Скотт).

ISBN 978-5-04-161659-5

ДАРЛИН

Три года длился мой путь до ада и обратно... Разум и тело были отравлены. Падать ниже было некуда.

Сан-Франциско стал вторым дыханием. Шансом начать все заново, вспомнить, кто я есть. Вспомнить танцы...

В этот раз я не сдамся.

Последний, кого я бы хотела встретить здесь, это мой новый сосед. Будущий адвокат-моралист. И не думала, что смогу испытать тепло от одного лишь его взгляда.

Но, падая в исцеляющую бесконечность, я понимала: «Он никогда больше не посмотрит на тебя как прежде, если ты расскажешь ему правду».

СОЙЕР

Экзамены, встречи в суде — каждую минуту я балансировал на краю пропасти. Зная, что рано или поздно сорвусь.

Ни желания, ни сил на встречи с девушками не оставалось. Я сам едва держался на плаву.

Но сейчас мы с Дарлин ужинали вместе. Плохая идея.

Она ворвалась в мою жизнь как ураган. Легкая и невесомая. Готовая разрушить эту стену между мной и миром.

Что я могу ей дать? Кроме боли и страданий.

Да и смогу ли я быть с той, чье прошлое — сплошной обман?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-161659-5

© Силаева Ж., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Благодарности

Написание книги — это довольно уединенное занятие, но лишь до тех пор, пока вы не отправите рукопись первому человеку, который прочтет ее. После этого она внезапно становится слишком неподъемной для автора, чтобы нести эту ношу в одиночку. Я вечно буду благодарна следующим людям за то, что помогли мне «протащить книгу через горы» и явить ее всему миру. Я бы никогда не справилась без вас: Анджела Шокли, Джой Крибель-Садовски, Кэтлин Рипли, Жаннин Эллисон, Сара Торпи, Сюанна Лакер, Дженнифер Бэллоу-Гхош и Уильям Хэйрстон.

Огромное спасибо Тому Рипли за юридическую консультацию. И хотя я придерживалась своих исследований и его советов, все же позволила себе некоторую вольность и проявила творческий подход к трактованию отдельных аспектов калифорнийского законодательства об опекунстве. Не убивайте меня.

Блогерам, читателям и невероятным людям из сообщества — без вас выполнение этой работы было бы невозможным. Спасибо.

Грею, который буквально спас меня от катастрофы. Спасибо за твою доброту, потраченное

время и за то, что ты был рядом даже поздней ночью, *особенно* за последние правки. Люблю.

Мелиссе Панио-Петерсен, которая не дает мне сойти с ума, пока я записываю мысли, а затем оформляет мои слова в красивую обложку. Спасибо за то, что делишься своим временем, талантом и мастерством, а также за то, что шесть лет подряд становишься победителем конкурса «Самый здравомыслящий и веселый человек в мире».

Робин Рене Хилл за все вышесказанные причины и еще тысячу других, о которых я уже не припомню, но уверена, что мы о них говорили по электронной почте, и, скорее всего, все закончилось тем, что ты прислала мне эмодзи с закатанными глазами. ♡ тебя больше, чем все пироги в мире.

И каждому участнику объединения «Соратники Эммы». Никакие слова в мире не смогут выразить, как много вы для меня значите, как я всем вам благодарна. Спасибо за то, что вы всегда следуете за мной. Я плачу от радости чаще, чем вы можете себе представить. Спасибо. ♡

Плейлист

- «Sex and Candy» — Marcy Playground
- «Down» — Marian Hill
- «One More Light» — Linkin Park
- «Tightrope» — LP
- «Open Your Heart» — Madonna
- «You and Me and the Bottle Makes Three Tonight» — Big Bad Voodoo Daddy
- «Cheek to Cheek» — Ella Fitzgerald
- «In the Mood» — The Glenn Miller Band
- «To Wish Impossible Things» — The Cure
- «Muddy Waters» — LP
- «Cell Block Tango: Chicago the Musical» — Kander and Ebb
- «Only Hope» — Mandy Moore

Посвящается

Тем, кто ведет тайные сражения: не позволяйте свету внутри погаснуть. Эта книга для вас.

Действие первое

*Совпадение противоположностей (философия):
откровение о единстве вещей,
которые раньше считались разными.*

Пролог

СОЙЕР

15 августа, 10 месяцев назад

Я едва расслышал звонок в дверь из-за грохочущей музыки и смеха сотни моих ближайших друзей. Джексон Смит кивнул мне с другого конца комнаты с улыбкой на лице, больше наминающей оскал. Он был одет, как Роланд-Стрелок Идриса Эльбы, а я — как Человек в черном. Сквозь толпу разодетых гостей, каждый из которых олицетворял злодея из фильмов или комиксов, я прочел по его губам фразу: «*Твоя очередь*».

Закатив глаза, я наклонился к красивой рыжеволосой девушке в костюме Ядовитого Плюща, которая сидела рядом. Она училась на втором курсе в Гастингсе и расспрашивала меня о том, какие преподаватели были самыми строгими на третьем

курсе, то есть на моем; впрочем, не думаю, что она слушала. Ее взгляд все время скользил вниз к моему рту.

Джексон покачал головой и состроил глазки симпатичной сестре Рэтчед¹ рядом с ним, а затем преувеличенно пожал плечами.

Я глубоко вздохнул и почесал глаз средним пальцем.

— Мне надо отойти по делам, — сказал я Ядовитому Плющу. Кажется, ее зовут Карли или Марли. Не то чтобы это имело значение. Ее имя было последним, что мне от нее нужно. Я одарил ее своей фирменной улыбкой, которую друзья прозвали «трусикосрывательной». — Посторожишь для меня место?

Карли-Марли кивнула и одобрительно улыбнулась в ответ.

— Я никуда не уйду.

— Отлично, — ответил я, и наши взгляды задержались друг на друге, будто из-за заключения негласного соглашения.

«Сегодня вечером у кого-то будет секс».

Я одарил Джексона торжествующей улыбкой, на что он отсалютовал мне двумя пальцами. Рассмеявшись, я начал пробираться сквозь толпу.

Мы с Джексоном и еще двумя парнями арендовали дом в викторианском стиле в районе Аппер-Хейт. Юридическая школа Гастингса Калифорнийского университета не имела студенческого

¹ Милдред Рэтчед — вымышленный персонаж и главный антагонист романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и одноименного сериала «Рэтчед».

братства, так что трехэтажный дом стал отличным решением. Наши вечеринки снискали скандально известную славу, и я был рад, что и эта не стала исключением. Гости раскачивались под песню «Sex and Candy», звучащую из современной акустической системы Джексона. Мне все улыбались, хлопали по спине и наклонялись, чтобы прокричать пьяным голосом, что эта вечеринка Злодеев — «лучшая вечеринка на свете». А я улыбался в ответ и согласно кивал.

Каждая наша тусовка становилась «лучшей вечеринкой на свете».

Я открыл дверь с чарующей улыбкой и готовностью извиниться перед соседями, если кто-то вдруг пришел жаловаться на шум. Но улыбка моментально сползла с моего лица, словно маска, и я вздрогнул.

Молодая женщина с темными волосами, собранными в растрепанный хвост, две пряди из которого свободно обрамляли ее узкое лицо, смотрела на меня затуманенными и налитыми кровью глазами. На ней были выцветшие джинсы, грязная футболка, а сама она сгибалась под тяжестью огромной сумки на плече. От нее несло перегазом — типичным запахом для человека, который напился вусмерть прошлой ночью.

Видение, представшее передо мной, никак не соотносилось со смутным воспоминанием об этой же девушке: необузданной и хохочущей девчонке в баре; закидывающей в себя стопку за стопкой, словно воду, а потом целующей меня в такси. Я будто снова почувствовал вкус водки и клюквы на губах, с которых слетело ее имя:

— Молли... Эббот?

— Привет, Соьер, — поприветствовала меня девушка и поправила ребенка у себя на руках. Ребенка.

Мой желудок сжался. Расплывчатые воспоминания стали яркими и живыми, беспощадно ясными.

Чуть больше года назад. Летняя поездка в Вегас. Поцелуй в такси, который привел к опьяняюще страстной ночи в кровати Молли в ее крошечной квартирке и ее слабым заверениям, что она принимает таблетки. А потом я оказался внутри нее, не позаботившись хоть о какой-нибудь защите.

Слова сами собой вылетели из моего рта:

— Дерьмо.

Молли издала нервный смешок и перевесила большую, переполненную нейлоновую сумку на другое плечо.

— Ну вот мы и пришли, — сообщила она и привстала на носочки, чтобы заглянуть мне через плечо. — Вечеринка? Выглядит эпично. Извини, что вот так заявилась, но...

Я вышел за порог и закрыл за собой дверь. Музыка и смех оборвались на полуслове, стали приглушенными. Мой взгляд метнулся к малышу, завернутому в потрепанное одеяло с желтыми плюшевыми мишками и пятнами грязи на нем. Сердце колотилось о грудную клетку, словно в огромный барабан.

— Что... что ты здесь делаешь?

— Я была в городе, — глотнув, ответила Молли, стараясь не смотреть мне в глаза. — Хотела познакомиться тебя.

— Познакомить меня...

Молли снова сглотнула и посмотрела на меня так, будто ей это стоило всех усилий.

— Могу я войти? Мы можем... поговорить? Всего одну минуту. Я не хочу портить тебе вечеринку.

— Поговорить...

Шок превратил меня в тупицу. Я был выпускником, произносившим прощальную речь перед всем классом в Калифорнийском университете; сейчас — студент-отличник юридической школы Гастингса, и вот я вынужден повторять как попугай последнее, что услышал. Мой взгляд вновь метнулся к ребенку, чье лицо было скрыто под одеяльцем.

«Познакомить меня. Черт возьми».

Я моргнул и встряхнул головой.

— Да, э-э... конечно. Входи.

Я забрал у Молли сумку, и моя рука дрогнула от ее веса. Повесив ее на свое плечо, я повел Молли через толпу злодеев в свою спальню, расположенную рядом с кухней. В комнате было темно, и я включил свет. Прищурившись, Молли огляделась.

— Хорошая комната, — сказала она. К ее джинсам налипла грязь, а один из карманов куртки был вывернут наизнанку. Это было похоже на костюм бездомной девушки с ребенком, а не злобной медсестры или ведьмы. — Дом просто отличный. Такой огромный. — Она присела на край кровати, покачивая ребенка на руках. — Ты тоже хорошо выглядишь, Сойер. Учишься в юридической школе, да? Собираешься стать адвокатом?

— Ага, — я коротко кивнул.

— На твоей страничке в «Фейсбуке» я прочитала, что ты собираешься работать на федерального судью после выпуска. Это большое дело, да? Типа отличная работа.

— Надеюсь, — сказал я. — Но пока у меня нет работы. Надо сперва закончить учебу. Сдать экзамен на адвоката, а потом судья должен выбрать меня.

Я уже ощущал на себе невероятное давление. Мой взгляд наткнулся на ребенка, и во рту пересохло.

— Звучит неплохо, Сойер, — проговорила Молли. — Кажется, у тебя действительно все хорошо.

— Вроде нормально. — Я сделал глубокий вдох. — Молли?..

— Ее зовут Оливия, — сообщила она, перекладывая ребенка на другую руку. — Красивое имя, правда? Я хотела, чтобы оно звучало... по-умному. Как ты.

В животе образовался комок, а ноги кололо от желания вскочить и бежать без оглядки... Но вместо этого я рухнул на кровать рядом с Молли, словно магнитом притянутый к свертку у нее в руках.

— Оливия, — пробормотал я.

— Да. И она *умная*. Умнее своего возраста. Она уже умеет держать головку, и все такое.

Молли стянула одеяло с лица младенца, и у меня перехватило дыхание. Я увидел круглые щечки, крошечные пухлые губки и закрытые глаза. От Молли несло выпивкой, как и от меня — из-за «особого» пунша, приготовленного соседом. Но Оливия пахла чистотой, детской присыпкой

и чем-то сладким, что, наверное, присуще только младенцам.

— Она красивая, да? — спросила Молли, нервно поглядывая на меня. — Похожа на тебя.

— Похожа на меня...

За моей дверью гремела вечеринка, но слегка приглушенно. Гости смеялись, выпивали и, вероятно, трахались. Как и я тринадцать месяцев назад.

— Ты уверена, что она?.. — Я не смог закончить свой вопрос.

Молли быстро кивнула головой.

— Она твоя. На сто процентов, — и прикусила губу. — Хочешь ее поддержать?

«Господи, нет!»

Руки раскрылись сами собой, и Молли вложила в них малышку.

Я пялился на Оливию, желая, чтобы крохотные черты лица стали более узнаваемыми. Хотя какая-нибудь подсказка или наследственный шепот, что она действительно моя. Но девочка не была похожа ни на меня, ни на Молли. Самый обычный ребенок.

«Мой ребенок?»

Молли фыркнула, и я приподнял голову, увидев, как она улыбается нам с Оливией.

— Так естественно, — мягко сказала она. — Я знала, что так и будет.

Я снова взглянул на младенца, проглотив целый ком нахлынувших эмоций.

— С-сколько ей?

— Три месяца, — ответила Молли и ткнула меня локтем. — Помнишь ту ночь? Довольно дикая, да?

Я вскинул голову вверх.

— Ты сказала мне, что принимаешь таблетки.

Она вздрогнула и заправила прядь волос за ухо.

— Так и есть. Они не сработали. Иногда такое случается.

Я недоверчиво посмотрел на нее, а потом мой взгляд снова вернулся к ребенку. Девочка зашевелилась во сне, и ее маленький кулачок коснулся подбородка. Одна половина моего непробиваемого сердца словно затаилась перед надвигающимся штормом, выстраивая стены и укрепляя оборону, потому что не доверяла происходящему. Другая же восхищалась крошечными движениями малышки, словно маленьким чудом. Мне хотелось смеяться, плакать и кричать одновременно.

— Я долго сомневалась, прежде чем прийти сюда, — пробормотала Молли. — Но я лишь хотела, чтобы ты познакомился с ней, и вот... мы здесь.

— Вы остановились в городе? Вам есть где?..

Внезапно в моей голове проскользнул вопрос: а должна ли Молли переезжать ко мне, — и реальность ситуации обрушилась на меня ведром ледяной воды. Мне оставалось еще девять месяцев учебы в университете. Мне нужно было сдать экзамен, дающий право на юридическую практику, *с первого раза*, если я надеялся получить должность у судьи Миллера. Работа на него — мой билет в будущее, в карьеру мечты в качестве федерального прокурора.

— Какого черта, Молли. Я не могу... Не могу завести *ребенка*, — сказал я, повысив голос. — Мне всего двадцать три чертовых года.

Молли фыркнула и скрестила руки на груди.

— Да неужели? Ты *можешь* завести ребенка, Сойер. Раз умеешь сексом заниматься, значит, и ребенка иметь можешь. Что у нас и получилось.

Я стиснул зубы, буквально выплевывая каждое слово:

— Ты говорила, что принимаешь таблетки.

Она пялилась на меня в ответ, и я понял, что разговор бесполезен. Повторяя эти слова снова и снова, я бы не заставил ребенка на моих руках волшебным образом исчезнуть. Таблетки могли не сработать, или Молли наврала мне, но в туманных, пропитанных выпивкой воспоминаниях о той ночи была одна секунда, когда я подумывал надеть презерватив, как поступал всегда, но не сделал этого.

— Черт, — прошептал я, и глубокая печаль охватила меня, когда я посмотрел на маленькое личико Оливии. Печаль из всех страхов и тревог, завернутые вместе с ней в один тугой сверток. Я глубоко вздохнул. — Хорошо, что дальше?

— Не знаю, — произнесла Молли, сжимая руки на коленях. — Я просто... хотела повидаться с тобой. Узнать, как у тебя дела, и позволить тебе познакомиться с ней. Я совершила кучу ошибок в жизни. Все еще совершаю их. — Она слабо улыбнулась. — Но ты... Ты хороший парень, Сойер. Я знаю, что это так.

Я нахмурился и покачал головой.

— Это не так. Господи, Молли...

— Могу я воспользоваться уборной? — спросила она. — Дорога была слишком долгой.

— Да, конечно, — ответил я. — Дальше по коридору, первая дверь налево.

Она втянула воздух и, наклонившись, поцеловала ребенка в лоб, а затем быстро вскочила и вышла из комнаты.

Я держал Оливию и наблюдал, как она просыпается. Ее веки затрепетали, и она впервые встретилась со мной взглядом. У нее были глаза Молли — голубые, а не карие, как у меня, но я почувствовал, как нечто необъяснимое поднимается внутри. Один крошечный надлом в моей душе, первый из многих, который в конечном итоге приведет к полному перекраиванию моей личности, превратив меня в кого-то, кого я даже не узнаю.

— Привет, — прошептал я своей дочери.

«Своей дочери. Господи...»

Внезапная паника прорвалась сквозь шок и страх. Я рывком поднял голову, судорожно оглядев свою комнату, огромную сумку на полу и пустое место, где минуту назад сидела Молли. Дыхание перехватило в груди от медленного понимания того, что произошло.

Я вскочил с кровати и с младенцем на руках бросился в гостиную, где полным ходом шла вечеринка. Шум напугал Оливию, и ее крики прокатились по дому, словно пожарная тревога, обрушиваясь на окружающих, пока музыка не стихла. Все разговоры и смех сошли на нет. Я оглядел комнату в поисках Молли, но обнаружил только недоуменные взгляды и усмешки. Джексон стоял, разинув рот, с миллионом вопросов в глазах. Другие соседи тоже не отрывали от меня взглядов. Сексуальная

улыбка Карли-Марли превратилась в смущенную. Я едва замечал что-либо, пока мой взгляд был прикован к слегка приоткрытой входной двери.

«О мой бог...»

В промежутке между нарастающими воплями Оливии кто-то фыркнул от смеха.

— Вечеринка, кажется, окончена.

Глава 1

ДАРЛИН

15 июня, наши дни

Музыка вступила с одиноких аккордов фортепиано. Несколько печальных нот, затем мягкий, чистый голос молодой женщины.

Я начала на полу, босиком, в легинсах и футболке. Ничего профессионального. Никакой хореографии. Я вообще не собиралась сюда заходить, просто шла мимо по улице. Помещение оказалось свободным, и я сняла его на тридцать минут, не успев даже отговорить себя. Расплачивалась я трясущимися руками.

Я отключила все свои мысли, позволив только телу слушать музыку. Движения получались немного скованными: давно не практиковалась. Мышцы были зажаты, а конечности подрагивали,

пока не заиграл ритмичный бит — металлические звуки хай-хэта¹ и незамысловатый техно-бит. И тогда я отпустила себя.

Ты согласен?..

Ты согласен?..

Ты согласен, согласен, согласен?..

Спина выгнулась дугой, а затем обрушилась вниз. Я извивалась в контролируемых движениях: мое тело представляло собой череду плавных фигур и изгибов, волнообразных линий и вращений, раскачивающееся под звуки фортепиано и голос певицы, настойчивый и одинокий.

Ты согласен?..

Пuls снова участился, и я вскочила, пересекая студию, прыгая и вращаясь вокруг своей оси; моя голова кружилась, а руки тянулись вверх и в стороны в попытках ухватиться за что-то, но находили лишь воздух.

Ты согласен?..

Мышцы проснулись от движений танца, ноя и жалуясь на непривычные и давно забытые требования. Дыхание становилось все тяжелее, словно в груди осел камень, а между лопатками струился пот.

Ты?..

Ты?..

Ты?..

Несколько капель упало с подбородка, когда я рухнула на колени, словно попрошайка.

¹ Хай-хэт — тип тарелок со стойкой, используемый в ударной установке.

...Согласен?

Я глубоко вздохнула, и легкая улыбка растянулась на губах:

— Может, и нет.

В метро, по пути в уютную квартирку-студию в Бруклине, которую я делила со своим парнем, мой пульс не замедлился. Серый «бабушкин» свитер прилип к вспотевшей спине. Я только что танцевала. Впервые более чем за год. Крошечный шажок шириной в целую милю; он один охватил столько свободного пространства.

Сегодня я ступила во влажный июньский день в Нью-Йорке. Три года назад я сошла с автобуса из Столичного центра заключения в Бруклине после трехмесячного срока за хранение наркотиков. Через полтора года чуть не умерла от передозировки на новогодней вечеринке. Падать ниже некуда.

Я не танцевала все это время: мне казалось неправильным позволять себе заниматься любимым делом, когда мой разум и тело отравлены. Но Рой Гудвин — лучший инспектор в мире по условно-досрочному освобождению — помог мне принять меры, необходимые для сокращения моего срока. В течение года я обязана была ходить на собрания анонимных наркоманов, но в целом жизнь начата с чистого листа. Я даже практически получила лицензию косметолога и сертификат массажиста.

«Я сегодня танцевала».

Жизнь налаживалась. Я взяла себя в руки. А Кайл... Я могла бы наладить отношения и с Кайлом. Мы переживали тяжелый период, вот и все. Черная полоса, которая тянулась уже два месяца.

Мои надежды рухнули с тяжелым вздохом. Только сегодня утром потребовалось три попытки, чтобы заставить его наконец откликнуться на свое имя. В последнее время его улыбки были полны извинений, а в глазах застыло равнодушие. Я видела это раньше. Никаких истерик. Никого грандиозного скандала. Просто исчезновение. Иногда с запиской или сообщением.

Несмотря на жару, я вздрогнула и пошла быстрее, словно пытаюсь убежать от собственных мыслей. В миллионный раз меня терзал вопрос, зачем я пыталась удержать Кайла: потому что забочусь о нем или потому, что мне противна сама мысль о том, чтобы позволить очередным отношениям ускользнуть от меня сквозь пальцы.

— Это не конец. Пока нет, — сказала я, шагая в своих армейских ботинках по кварталу.

В этот раз я не собиралась сдаваться. Только не снова. Я должна наконец сделать что-то правильное. Я была чиста уже больше года, а с Кайлом — и того дольше. Самые длительные отношения в моей жизни. Мне нельзя облажаться. Больше нет. Буду крепче держаться за отношения, если возникнет необходимость.

На третьем этаже обшарпанного здания я открыла дверь в квартиру 3С и зашла внутрь... споткнувшись о спортивную сумку. Спортивную сумку Кайла. Она была так плотно набита, что молния,

казалось, вот-вот лопнет. Я закрыла за собой дверь и подняла взгляд, прищурившись, будто это могло свести на нет боль от увиденного.

Кайл сидел за маленькой кухонной стойкой и писал записку. Заметив меня, он отложил ручку в сторону. Медленно.

Записка. Не сообщение.

— Эй, детка, — сказал он, едва взглянув на меня. — Прости, я...

— Не начинай, — попросила я. — Просто не начинай. — Я обхватила себя руками. — Ты даже не собирался мне говорить?

— Я... не хотел устраивать сцен. — Он вздохнул и провел рукой по своим растрепанным светлым волосам. — Мне жаль, Дарлин. Правда. Но я больше так не могу.

— Не можешь что? — Я покачала головой. — Нет, забей. Не хочу это слышать. Не снова.

«Снова. Меня снова недостаточно. Я недостаточно хороша. Недостаточно смешная, красивая и что-то там еще».

— Недостаточно крепко держала, — пробормотала я.

— Дарлин, ты мне небезразлична, но...

— Тебе жаль, *но*. Я тебе небезразлична, *но*. — Я покачала головой, слезы душили меня. — Уходи, раз собрался, но не говори мне ничего. Ты делаешь только хуже.

Он вздохнул и умоляюще посмотрел на меня.

— Ну же, Дар. Я знаю, что не одинок в этом. Ты тоже это чувствуешь. В баке просто... ничего не осталось, верно? Мы пытаемся завести этот дви-

гатель, надеемся, что появится искра, заставив его работать. Но в глубине души оба знаем, что этого не произойдет. — Он покачал головой. — Дело не во мне. Не в тебе. Все дело в нас.

Я открыла рот, чтобы ответить ему. Начать все отрицать. Кричать, проклинать и злиться. Но сказала только:

— Да, думаю, да.

Кайл снова вздохнул, но на этот раз с облегчением. Он подошел ко мне, и я крепко обняла его: попыталась впитать ощущение его рук на мне в последний раз. Я втянула носом запах, крепче вцепившись в него. Затем выдохнула, и он ускользнул.

Кайл направился к двери, а я отступила назад в сторону крошечной кухни. Кайл перекинул сумку через плечо.

— Увидимся, Дар.

Я отвела глаза в сторону, а затем зажмурилась, услышав звук закрывающейся двери. Щелчок был таким же громким, как и пощечина.

— Увидимся, — пробормотала я.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — спросила Зельда. Скрип подъезжавшего к остановке автобуса практически заглушил ее слова, а легкий летний дождик осыпал, словно бриллиантами, длинные темные волосы моей подруги.

Бекетт, ее жених и мой лучший друг, возвышался над ней. Инстинктивно он слегка склонился,

защищая ее от непогоды, думаю, даже не осознавая, что делает это. Он нахмурился, поджав губы. Беспокойство сделало его голубые глаза более пронзительными.

— Уверена, — ответила я Зельде, поправляя на плече тяжелый рюкзак. Подошел носильщик и забрал мою зеленую армейскую сумку, чтобы поставить ее в отсек в нижней части автобуса. — А готова я или нет, это уже другой вопрос.

— Так ты готова сделать это? — спросил Бекетт с легкой усмешкой.

Зельда толкнула его.

— Умник.

Мой взгляд скользнул по ним с нежностью и... завистью. Зельда и Бекетт получили свое «долго-и-счастливо» и жили, публикуя комиксы и безумно любя друг друга. Зависть ужалила меня из-за того, что есть у них: любовь, которая казалась невозможной для человека с моей историей. Но я покидала город не для того, чтобы кого-то найти, а чтобы оставить кого-то в прошлом. Прежнюю себя.

Расставаться с Зельдой и Бекеттом немного страшно, но поскольку они были моими лучшими друзьями, я знала, что они не исчезнут из моей жизни после отъезда из Нью-Йорка.

— Святые угодники. Я уезжаю из Нью-Йорка.

— Ну да, — подтвердила Зельда. — Ты не просто оставляешь город, ты собираешься проехать через всю страну.

Она поджала губы и пристально посмотрела на меня своими огромными зелеными глазами.

— Повтори, пожалуйста, что такого есть в Сан-Франциско, чего нет в Бруклине?

«Шанс начать все заново, где никто не знает, что я бывшая наркоманка».

— Работа, спонсор из общества анонимных наркоманов и шестимесячная субаренда, — ответила я, заставив себя улыбнуться. — Не переживай. Если новый город пережует меня и выплюнет, то к Рождеству я вернусь в Нью-Йорк.

— У тебя все получится, — сказал Бекетт, закрывая меня в объятия.

Я прижалась к нему в ответ.

— Спасибо.

— Звони, если что-нибудь понадобится. В любое время.

Я спрятала свою грустную улыбку в его куртке. Меня нельзя назвать человеком, которому звонят в трудную минуту. Я звонила, но никогда не была той, кто получает эти звонки.

«Но я могу все изменить».

Подошла очередь объятий Зельды, и я почувствовала исходящий от нее запах корицы и чернил.

— Люблю тебя, Дар.

— Люблю тебя, Зел. И тебя тоже, Бек.

— Будь осторожна, — сказал Бекетт. Дождь усилился, и парень накрыл девушку своей курткой.

— Убирайтесь отсюда, пока я не разрыдалась, — воскликнула я, прогоняя их.

Пара двинулась прочь, и, когда они скрылись из виду, я шагнула под дождь, подставив лицо под капли.

Ничто в мире не могло сравниться с нью-йоркским дождем. Я позволила ему окропить себя в последний раз, прежде чем сесть в автобус, надеясь выйти в Сан-Франциско чистой и обновленной.

Оказалось, что в трехдневной поездке на автобусе нет ничего обновляющего.

Через три тысячи миль — большая часть которых была проведена с маленькой старушкой по соседству, похрапывающей на моем плече — я сошла с автобуса «Грейхаунд»¹ в ослепляющие солнечные лучи раннего утра Сан-Франциско. Город оказался более золотистым и сверкающим, нежели туманный Нью-Йорк, и я потянулась, приветствуя его. Позволила ему проникнуть в меня, представляя, как золотой луч света наполняет меня силой духа и воли, помогая стать лучшей версией себя. Я, конечно, не превратилась волшебным образом в одного из супергероев комиксов Зельды, но все равно было приятно.

Когда носильщик освободил багажный отсек автобуса, я нашла свою огромную зеленую сумку и перебросила через плечо, присоединив ее к весу фиолетового рюкзака на спине. Затем вышла к центру вокзала, чтобы найти карту общественного транспорта, которая указала бы мне путь в мой новый район. Взгляд остановился на молодом парне,

¹ Крупная автобусная компания в США.

прислонившемся к фонарному столбу и сканирующем толпу. Он выглядел как типичный голливудский красавчик — актер, играющий кочегара в фильме пятидесятых, с густыми темно-каштановыми волосами и точеной челюстью. На нем была белая футболка, джинсы и черные ботинки. Единственное, чего ему не хватало, это сигареты, заправленной за ухо, и рубашки с закатанными рукавами. Он заметил меня и оттолкнулся плечом от столба.

— Дарлин Монтгомери?

Я замерла.

— Да. Кто?.. Вы Макс Кауфман?

— Это я, — ответил он, протягивая руку.

— Не слишком ли вы молоды для спонсора? — задала вопрос, блуждая взглядом по его широкой мускулистой груди, красивому лицу и пронзительным карим глазам.

«Он слишком горяч для спонсора. Господи, помилуй».

— Сильные мира сего посчитали, что у меня достаточно опыта для помощи, — произнес Макс. — Я слишком рано встал на этот порочный путь.

Я усмехнулась.

— Продвинутый для своего возраста?

Макс ухмыльнулся в ответ.

— Первый среди малолетних преступников.

Я рассмеялась, а затем вздохнула.

— Ты очарователен.

— Повтори.

Я подбоченилась одной рукой, а другой пригрозила ему:

— Предупреждаю сразу, я завязала с мужчинами на год. Так что, несмотря ни на что, между

нами ничего не будет, ясно? Даже если я позвоню тебе ночью, рыдая от отчаянья, ты должен оставаться сильным. Понял?

Макс скептически рассмеялся.

— Ладно, здесь только доля шутки, — сказала я. — Не думаю, что ты хочешь прыгнуть со мной в постель, но я гарантирую, что у меня будет по крайней мере одна одинокая ночь, а ты до смешного красив. Опасное сочетание.

Макс снова разразился смехом.

— Я полностью принимаю твои условия. Твое целомудрие в безопасности, Дарлин, обещаю. Я гей.

Я прищурилась.

— Ага, охотно верю.

— Слово скаута.

— Окей. Неплохое начало, — ответила я. — Но это не значит, что я не попытаюсь позвонить тебе.

Макс усмехнулся, покачав головой.

— Думаю, я справлюсь. — Он протянул мне руку, за которую я сразу же ухватилась. — Давай познакомлю тебя со всем здесь.

— Так ты мой официальный проводник по Сан-Франциско?

— Любезно предоставленный обществом анонимных наркоманов и министерством юстиции.

— Три собрания в неделю — это перебор, не находишь? Я чиста уже полтора года, — возмущенно пробурчала я в ответ.

— Не мне решать, — сказал Макс, посмотрев на меня сверху вниз. — Ты же знаешь, что не можешь пропустить ни одного собрания?

— И не собираюсь. Пусть у меня будет десяток одиноких ночей, но это не значит, что я вернусь к употреблению. Не вернусь. Никогда.

Макс улыбнулся на мои слова.

— Приятно слышать.

— Знаю, знаю. Ты уже слышал подобное раньше.

— Ага, но все мы с чего-то начинали.

Мы вышли на залитую солнцем улицу Сан-Франциско, и я огляделась по сторонам, рассматривая свой новый город. Указатель на углу гласил: «Фолсом и Бил». Черные буквы на белом фоне, а не как в Нью-Йорке, где белый печатался на зеленом.

— Что-то новенькое, — пробормотала я.

— Что? — спросил Макс.

— Ничего.

От автобусной станции Макс повел меня к метро, где мы сели в трамвай — систему общественного транспорта Сан-Франциско — ведущему вглубь города. По сравнению с картой Нью-Йоркского метро красные, зеленые и желтые линии выглядели совсем просто.

— Выглядит не так уж плохо.

— Город всего семь на семь миль, — ответил Макс, держась за поручень, когда поезд с визгом понесся под землей к моей квартире в районе под названием Дюбус Траянгл. — Достаточно большой, чтобы казаться настоящим городом, но не настолько, чтобы в нем можно было заблудиться.

— Это хорошо, я приехала сюда не для того, чтобы теряться.

— Напротив, — сказал Макс. — Ты здесь, чтобы найти себя.

— Какая мудрая мысль.

Он пожал плечами.

— Зато правдиво.

Я слегка оттолкнула его локтем.

— Консультация уже идет?

— Двадцать четыре на семь. Я всегда буду рядом, когда бы тебе ни понадобилась помощь. Понимаю, как тяжело начинать все сначала. — Макс почесал подбородок. — Или просто продолжать жить, если честно.

Я улыбнулась, почувствовав разливающееся в груди тепло.

— А у тебя был спонсор на пути твоего выздоровления? Надеюсь, ты справился.

Темные глаза Макса немного затуманились, а улыбка погасла.

— И да, и нет.

Поезд со скрипом остановился. Мы снова находились на поверхности земли, и день выдался великолепным.

Мы покинули поезд, и Макс перебросил мою сумку через плечо, словно она не весила ни фунта, в то время как мой переполненный рюкзак, казалось, весил целую тысячу.

— Надеюсь, тут недалеко, — сказала я.

— Повтори адрес, пожалуйста.

Я назвала адрес, и он повел меня на запад по Дюбус-стрит.

— Хороший район. Ты нашла здесь квартиру?

— Мой друг сказал, что это последний дом в викторианском стиле с регулируемой арендной платой во всем Сан-Франциско.

— Твой друг прав, — ответил Макс. — В большинстве районов города фраза «регулируемая арендная плата» вызывает лишь приступ недоверчивого смеха. — Он усмехнулся. — А потом слез.

— Тогда я не скажу тебе стоимость аренды.

— Ну и слава богу.

— Итак, когда не проводишь каждый божий час в роли моего спонсора, чем ты занимаешься? — спросила я.

— Я фельдшер «Скорой помощи» в Калифорнийском университете.

— Правда? Ты не шутил, когда говорил, что круглосуточно спасаешь жизни.

Он небрежно пожал плечами, но его улыбка показала, насколько ему приятно слышать мои слова.

— Что насчет тебя? Есть работа?

— Вроде того, — ответила я. — Заканчиваю курсы массажа...

— И?.. — отреагировал Макс на мое молчание. — Здесь должна быть вторая часть предложения.

— Раньше я танцевала. В прошлой жизни, если ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю, — сказал Макс. — Старая жизнь, жизнь наркомана и новая. Жизненный цикл восстановления. И как? Танцы пережили этап наркотической зависимости, чтобы появиться в новой?

— Посмотрим, — проговорила с небольшой улыбкой. — Очень надеюсь.

Макс кивнул.

— Порой это все, что тебе нужно.

Мы шли вдоль ряда домов в викторианском стиле, каждый из которых пристроился к соседнему и был окрашен в свой цвет. Я взглянула на адрес, написанный на руке, затем на трехэтажный дом кремового оттенка, зажатый между бежевым зданием поменьше и домом из состаренного кирпича.

— Вот этот, — указала я на кремовый дом.

— Ты шутишь? — Макс уставился на дом. — Ты собираешься жить *здесь*? Одна?

— В студии на третьем этаже, — ответила я, поправляя свой рюкзак. — Тут миленько, правда?

— Миленько? — изумился Макс. — Это дом с регулируемой платой?

— Опять эта фраза. Будешь смеяться или плакать?

— Плакать, — процедил он сквозь зубы. — Перед тобой единорог, поедающий четырехлистный клевер и какающий радужными какашками в форме беспроигрышных лотерейных билетов.

Я рассмеялась.

— Ну, это всего на полгода, а потом мне придется вернуть его и найти новое место.

— Отстой, — посочувствовал Макс. — После этого подобия Шангри-Ла ты будешь потрясена тем, как плебеи вроде нас добиваются успеха в Сан-Франциско.

— Ничего сложного. Я просто перееду к тебе.

Он засмеялся.

— Возможно. Но я могу переехать через несколько месяцев. Или раньше.

Меня аж перекосило от его слов.

— Что? Не-е-ет! Не говори так. Ты мне слишком уж сильно нравишься.

— Это не точно, но, вероятно, меня переведут на другую работу в Сिएтле. — Макс улыбнулся с теплотой в глазах. — Ты мне тоже понравилась. Не думаю, что когда-либо заводил друзей быстрее.

— Не люблю тратить время впустую, — я широко улыбнулась. — Хочешь зайти и посмотреть на единорогов?

— Чтобы завидовать еще больше? Как-нибудь в другой раз. Хотя... — Макс достал телефон из заднего кармана джинсов и проверил время. — Черт, мне надо бежать. Смена начинается через двадцать минут. Но я помогу тебе занести вещи.

— Нет, сама справлюсь. — Я сняла сумку с его плеча и поставила ее на тротуар.

— Уверена?

— Дружище, я же несу свой вес.

— Ну ладно. — Макс протянул мне руку. — Рад познакомиться, Дарлин.

Усмехнувшись протянутой руке, я накинулась на него с объятиями. Его руки обвились вокруг меня, и я ощутила, как широкая грудь затряслась от смеха.

— М-м-м, пахнешь автобусом.

— Парфюм «Грейхаунд».

Он отстранился с улыбкой на губах.

— Увидимся в пятницу вечером. Улица Бьюкенен, комната четырнадцать. Ровно в девять часов.

— В пятницу вечером? — Я прикусила губу.

— Разочарована? — спросил Макс, выставив руку вперед, и попятился спиной в сторону остановки. — Поплачь об этом в своем пентхаусе с регулируемой арендной платой.

Я рассмеялась, с ворчанием закинула армейскую сумку на плечо и пошла к дому. Он был действительно прекрасен и в идеальном состоянии. Повернув ключ в замке, я шагнула в крошечный холл.

Я не являлась архитектором, но с уверенностью могла сказать, что этот дом когда-то был самым настоящим *домом*, а теперь поделен на небольшие квартиры. Заглянув за стену, которую не поставил бы ни один здравомыслящий домовладелец даже в подъезде, я увидела крошечную прачечную с одной стиральной машинкой и сушилкой. На другой стороне коридора находилась дверь с цифрой один. Ее порог украшали комнатное растение в горшке и яркий приветственный коврик.

За ней слабо слышалась испанская музыка и детский смех.

Я втащила свою огромную сумку по лестничному пролету на неудобную площадку: тоже новая конструкция, отделяющая второй этаж. Дверь на этаже значилась под вторым номером и не имела ни приветственного коврика, ни растений, ни какого-либо декора. И никаких звуков по ту сторону.

Поднявшись еще на один этаж, я заметила, что потолок стал ниже, скошенный под углом, а дверь под номером три вела в крошечную студию. Кровать, стол, стул, кухня и ванная комната без единого намека на чье-то присутствие. Мой друг из

Нью-Йорка, который и помог мне с этой субарендой, сказал, что владелица — девушка по имени Рэйчел, работающая в «Гринпис» — убрала все из квартиры, кроме простыней, полотенец, кастрюль и сковородок. Но это место казалось идеальным вариантом, да и многого мне не нужно.

Легкая улыбка тронула мои губы, когда захлопнулась дверь. Я направилась к окну, где пришлось чуть пригнуться из-за низкого потолка. От великолепного вида у меня перехватило дыхание. Ряды домов выстроились дальше по холму, а за ними расстился город. Это был совершенно другой город, нежели Нью-Йорк. Более тихий, с красочными старинными зданиями, холмами, зеленью парков, укутанных в синеву залива.

Я втянула воздух и немного задержала дыхание.

— Я справлюсь.

Но после трехдневной дороги в автобусе я была слишком уставшей и подавленной, чтобы думать о покорении нового города. Так что, повернувшись к кровати, рухнула на нее лицом вниз.

Сон сразу же овладел мной, и в разрозненные мысли ворвалась музыка.

Я танцевала.

Ты согласен?..

Ты с-с-согласен?..

Постель пахла стиральным порошком и человеком, который жил здесь до меня. Незнакомцем.

Скоро она будет пахнуть мной.

Ты согласен, согласен, согласен?..

— Пока нет, — прошептала я и провалилась в глубокий сон.

Глава 2

СОЙЕР

Тишину во второй аудитории в юридической школе Гастингса прерывали лишь шелест переворачиваемых страниц и щелчки клавиатуры. Студенты сидели в мягких креслах, забаррикадировавшись в наушниках за ноутбуками.

Мои партнеры по учебе — Бет, Эндрю и Сана — сидели на диванах и стульях в кругу, склонившись над своей работой, и за все время не прозвучало ни единой шутки или остроумного замечания. Я скукал по Джексону, но у этого ублюдка хватило наглости закончить учебу на целую четверть раньше меня.

Неумолимый свет флуоресцентных ламп слепил мои и так уставшие глаза, отчего текст на страницах передо мной расплывался. Я моргнул, сосредоточившись, и постарался мысленно сфотографировать аб-

зац из Семейного кодекса Калифорнии. Сохранив это изображение в памяти, я взял ручку и записал увиденное своими словами. Для закрепления.

Закончив делать записи, я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Эй, Хаас, — позвал Эндрю миллисекунду спустя. Я даже расслышал нотки самодовольства в его словах. — Собираешься спать весь оставшийся час?

— С удовольствием, если ты заткнешься, — пробурчал я, даже не открыв глаз.

Он хмыкнул, засопев, но больше не произнес ни слова. Джексон выдал бы остроумный комментарий, а после началась бы шуточная словесная баталия, пока кто-то не проиграет в этом нелепом соревновании. Но Эндрю не Джексон.

— Этот экзамен по семейному праву меня доконает, — заворчал Эндрю. — Спросите меня что-нибудь.

— Статья 7602? — задала вопрос Бет.

— Эм-м... Блин. — Я услышал, как ручка ударилась о стол. — Где-то здесь...

Я улыбнулся про себя. Основным профилем у меня было уголовное судопроизводство, но после «Злодейской» вечеринки десять месяцев назад семейное право стало моей неофициальной специализацией.

Мысленно пролистав кодекс до статьи 7602, я процитировал наизусть:

— «Родители имеют равные права и несут равные обязанности на каждого отдельно взятого ребенка, независимо от семейного положения».

Тишина. Я приоткрыл один глаз.

— Извини, но это моя любимая.

— Ну еще бы, — Эндрю фыркнул и взял ноутбук. — Ладно, давай посмотрим, что еще ты знаешь, Хаас.

Остальные с интересом наклонились вперед. Моя способность к запоминанию была выдающейся. Практически все отпечатывалось в мысленной фотолаборатории в моей голове: имена, лица, воспоминания многолетней давности вплоть до мельчайших подробностей, даже целые страницы текста, если прочесть их достаточное количество раз. Не знаю, откуда взялась фотографическая память, но слава богу, что она у меня появилась, иначе я не протянул бы эти последние десять месяцев. Не с тремя-четырьмя часами сна каждую ночь.

— Какая еще статья применима к 7603? — самодовольно спросил Эндрю. Он был типичным говнюком, который явно легче переживал стресс, вызванный обучением на юридическом факультете, если ему удавалось поставить меня в тупик. Но я никогда не давал ему такого шанса.

— Статья 3140, — ответил я. Кстати, я тоже своего рода говнюк.

— В 7604 суд может вынести постановление об упрощенном получении разрешения на опеку или посещения, если?..

— Отношения между родителями и детьми не противоречат разделу 7540, а постановление отвечает всем интересам ребенка.

— Зачем ты вообще сюда приходишь? — проворчал Эндрю и захлопнул макбук.

— Чтобы отвечать на твои вопросы.

Девушки захихикали, а Эндрю покачал головой, пробормотав себе под нос:

— Высокомерный придурок.

— В любом случае, ты тратишь время впустую, — сказала ему Сана и подмигнула мне с понимающей улыбкой. — Память Сойера безупречна. Уверена, он может продолжать не один день.

От меня не ускользнул скрытый подтекст в ее последней фразе и приглашение во взгляде. Тело моментально отреагировало теплом, умоляя меня пересмотреть свой негласный обет. Сана — красивая и умная девушка, она пополнила нашу группу, когда Джексон и еще один друг закончили учебу в прошлом семестре. Но, увы, я бы ответил ей то же, что она сказала Эндрю. Она зря тратила свое время. Мои дни близости со случайными женщинами сочтены с большой буквы «С».

Бет не пропустила одобрительную улыбку, брошенную Саной в мой адрес, и закатила глаза.

— Следовало назвать эту группу «Подростковая депрессия», — она посмотрела на свои часы. — Ну все. Пора идти.

Мы быстренько собрали вещи, запихнув тетради и ноутбуки в сумки, и выбросили пустые стаканчики из-под кофе. Я покинул аудиторию следом за своей группой. Бет была права. Даже в моем воображении эти люди не были мне друзьями. У меня их практически не осталось; но я посмотрел на Бет с ее строгой прической и на Эндрю в рубашке, за-

стегнутой на все пуговицы, и попытался представить их хотя бы на одной из наших грандиозных вечеринок злодеев. Я попробовал представить себя на любой другой «злодейской» вечеринке и не смог.

— Чем-то воняет, Хаас? — спросил Эндрю.

— Нет, — ответил я, щурясь от яркого июньского солнца. — Вспоминаю одну древнюю историю.

— Ты, вероятно, и классику помнишь наизусть. Вытащишь «Одиссею» из своей стальной ловушки?

Я ощутил на себе его пристальный взгляд.

— *«О, муза, скажи мне о том хитроумном герое, который, странствовал долго с тех пор...»* Похоже на тебя, Энди.

— Заткнись. И не называй меня Энди.

Сана спрятала улыбку за воротником пальто.

— Увидимся в понедельник, — сказала она остальным, после чего остановилась рядом со мной. — Ты так жесток с бедным Эндрю.

Я пожал плечами.

— Никогда не встречал парня, который не заинтересован в сокрытии своих недостатков.

— Это просто зависть. Он изо всех сил старается разобраться во всем, а тебе это дается так легко.

Я бы даже посмеялся над ее словами, если бы не чертовская усталость.

— Итак. — Сана перекинула шелковистые черные волосы через плечо. — Какие планы на выходные? У меня есть лишний билет на завтрашний концерт The Revivalists в Уорффилде.

Мне пришли в голову парочка мягких оправданий, но я слишком устал, чтобы нести чушь.

— Я пас. Никаких развлекательных мероприятий до окончания школы и сдачи адвокатского экзамена.

— Звучит не круто.

Я пожал плечами и попытался улыбнуться.

— В любом случае, спасибо за приглашение.

— Ладно, — сказала она с улыбкой, которая с трудом скрывала разочарование. — Тогда увидимся в понедельник.

— Да.

Я наблюдал за тем, как она уходит, и меня охватила жуткая усталость.

Иногда такое происходило, словно кулаком в живот ударили. Бессонные ночи и недосыпание, стресс и тревожность — все это накрывало меня с головой. Никакого пива с парнями. Никаких свиданий с горячими однокурсницами. Ни секса, ни вечеринок...

— Смирись, Хаас, — пробормотал я в воздух и направился в сторону дома. — Ты сам на это подписался.

На станции «Сивик-Сентрал» я пересел на линию J до Дюбус Траянг и откинулся на спинку сиденья. Час пик еще не настал, и поезд был практически пуст. Пятница — единственный день недели, когда у меня нет вечерних занятий и я освобождаюсь пораньше. В этот день я обычно прихожу домой к четырем часам, а не в пять или шесть.

Стук колес подо мной убаюкивал, а глаза закрывались. Семейный кодекс словно проецировался

на заднюю поверхность века — неприятный побочный эффект эйдетической памяти. Чем больше я что-то запоминаю, тем больше шансов, что это останется со мной навсегда.

...если один из родителей оставляет ребенка на попечении другого лица более чем на год без предоставления ему содержания или без коммуникации, то следует рассматривать это дело как отказ от ребенка...

Эти слова я никогда не забуду, и убаюкивающее движение поезда вернуло меня в август прошлого года. Древняя история. Тогда я еще не устал. Пока нет.

Обшарпанное здание с вывеской Департамента по делам семьи и детей возвышалось на другой стороне улицы. Небо было затянуто облаками, холодный ветер пронизывал меня до костей, пока я крепче прижимал сверток к себе. Казалось, что лето закончилось, и зима вот-вот должна вступить в свои права.

— Скажи мне еще раз, что произойдет, когда я отдам ее? — спросил я.

Джексон искоса посмотрел на меня.

— Они попытаются разыскать Молли.

— Я пробовал. Безуспешно.

— Тогда ребенок попадет в приемную семью.

— В приемную семью...

Я опустил взгляд на спящего младенца в своих руках, укутанного в одеяло. Мои руки устали. Оли-

вия была крошечной, но держать ее весь путь на поезде, а потом нести три квартала на руках оказалось тяжелее, чем любая тренировка в спортзале Гастингса. Я бы взял «Убер», но у меня не было автокресла.

У меня ничего не было.

— Это лучший вариант, — в сотый раз повторил Джексон за прошедшие шесть дней после вечеринки.

— Ага, — буркнул я. — Лучший.

Он одарил меня тусклой, сочувствующей версией своей ослепительной улыбки.

— Пошли давай. Зеленый свет.

Он подтолкнул меня рукой, но я не сдвинулся с места. Ноги словно приклеились к земле.

Я окинул взглядом оживленную городскую улицу. Ветер завывал между цементных зданий, которые возвышались над нами: холодные, ровные и серые. Я попытался представить, как захожу в Департамент и передаю ребенка какому-то незнакомцу. Это было бы так просто. Она уже несла на себе тяжелый груз прожитых лет, и все, что мне нужно было сделать, это отдать ее и уйти.

Но Оливия прильнула к моим рукам, ко мне.

— Я не могу.

Улыбка на лице друга стала жесткой, а затем и вовсе исчезла.

— Господи, Сойер.

— Молли доверила ее мне, Джекс. Оливия моя.

Он стоял, уставившись на меня. Потом покачал головой и развернулся на углу улицы, раскинув руки.

— Я знал это! Дайте мне приз, грузья, я, черт побери, знал это!

Остановившись, он повернулся лицом ко мне.

— Я знал это шесть дней назад. После вечеринки. Все ушли, а ты сидел на диване среди пивных банок и пластиковых стаканов и кормил ее из бутылочки, будто в этом мире больше никого нет. Так что ты собираешься делать? Воспитывать ее? Ты собираешься вырастить ребенка, Сойер?

— Я не знаю, что делаю, Джексон, — ответил я. — Но это кажется неправильным. Находиться здесь чертовски неправильно.

Джексон сжал губы.

— Ты оставишь ее? Как? На какие деньги?

— Моя стипендия...

— Ее хватает только на оплату учебы и аренды за квартиру, — закончил за меня Джексон. — Ее недостаточно для заботы о ребенке. А это дерьмо стоит дорого.

— Я разберусь с этим. Найду работу.

— Ты собираешься испоганить свою жизнь. Ради чего?

— Ради чего? Ради нее, — огрызнулся я, указав на ребенка.

— Она не...

— Заткнись, Джекс, — жестко ответил я. — Молли бросила ее, а через год и суд это докажет. Я все проверил. Я смогу вписать свое имя в ее свидетельство о рождении. Молли должна была это сделать, но через год это не будет иметь никакого значения.

Джексон не отрывал от меня взгляда.

— Ты должен закончить учебу, Сойер, сдать экзамен — с первого раза — иначе что случится с твоей работой на судью Миллера? Можешь попрощаться с ней. Ты потеряешь шанс на эту должность и на все, ради чего столько трудился.

Я скрипнул зубами. Он и в этом был прав. Я так четко и конкретно расписал каждую ступень своей жизни. Закончить Гастингс, сдать экзамен, получить должность помощника у судьи Миллера, начать карьеру в уголовном отделе и, возможно, баллотироваться на пост окружного прокурора. Кто знал, где я мог оказаться дальше? Я взглянул на Оливию, осознав, насколько сильно мне всего этого хотелось.

Но я хотел и быть рядом с ней.

Более того, все мои поставленные цели будут разбиты в пух и прах, если тайна ее жизни будет преследовать меня на каждом шагу.

Джексон прочел все это в моих глазах. И провел рукой по своим коротко стриженным волосам.

— Сойер, я люблю тебя и понимаю, почему ты считаешь это правильным выбором. Но каким бы тяжелым тебе все это ни казалось... Будет в миллион раз сложнее.

— Я знаю.

— Нет, ты думаешь, что знаешь. Моей матери приходилось работать на трех работах, по одной на каждого ребенка. Три работы, чтобы прокормить семью и обеспечить крышу над головой, не говоря уже о какой-то там юридической школе.

— Но она сделала это, и сейчас ее младший сын оканчивает юридический, — ответил я. — Она гор-

дится тобой. Мне хотелось бы думать, что и моя мама гордилась бы мной.

— Определенно, чувак, — тихо согласился он. — Уверен в этом.

Я стиснул зубы, чтобы хоть как-то заглушить старую боль, запертую глубоко внутри. Пьяный водитель убил мою мать, когда мне было восемь. Если бы мне платили каждый раз, когда я думал, что она гордилась бы мной, этого хватило бы, чтобы покрыть обучение в Гастингсе.

Джексон вздохнул и покачал головой.

— Не знаю, с чего начать.

— Оливия моя, — сообщил я. — Это все, что я знаю. И на мне лежит ответственность за нее.

Выражение лица Джексона немного смягчилось, и слабая улыбка тронула уголки его губ.

— Должно быть, я оказался в Зазеркалье.

— Я с тобой. — С души словно свалился тяжелый камень, и волна незнакомых, сильных эмоций буквально поглотила меня.

Моя дочь.

— Так ты собираешься мне помогать или как? — хрипло спросил я. — Кое-кто только что рассказывал мне о тяжелой доле родителя-одиночки.

— Опять твоя исключительная память, — улыбнулся Джексон, но улыбка быстро сошла на нет. — Тебе придется съехать, ты же понимаешь, да? Ребята не собираются вступать в сообщество «Трое мужчин и младенец». Кевин уже паникует, что мы теряем репутацию.

— Я найду новое жилье.

Джексон еще несколько мгновений смотрел на меня, затем, выдохнув, рассмеялся. Он снял детскую сумку с моего плеча и перекинул ее через свое.

— Господи, какая тяжелая. Ты сумасшедший сукин сын.

— Спасибо, Джекс, — я вздохнул с облегчением.

— Да-да, только не звони мне в два часа ночи, расспрашивая про коклюш или... как его там? Рогничок?

Я рассмеялся, но порыв холодного ветра Сан-Франциско унес мой смех прочь.

Поправив ребенка, я посильнее прижал ее к себе.

— Пойдем домой.

Я проснулся от того, что подбородок коснулся груди. Поезд как раз со свистом остановился на станции «Дюбус». Перекинув сумку через плечо, я вышел и прошел полтора квартала до своего кремового дома в викторианском стиле, в котором снимал квартиру на втором этаже.

Когда я проходил мимо двери на первом этаже, где жила Елена Мелендез, слегка улыбнулся и потащил свою уставшую задницу на второй этаж. Попав в квартиру, я снял куртку и повесил ее на вешалку, рядом бросил сумку. Свернул налево, прямо на кухню, чтобы заварить свежий кофе, а потом направился в гостиную, к своему столу у окна. На часах было 16:42. Технически у меня оставалось целых восемнадцать минут в запасе для себя.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза... а затем сразу же открыл.

Мне не нужны были эти минуты, я хотел получить свою девочку назад.

Поэтому спустился вниз, перепрыгивая через две ступеньки, и постучал в первую квартиру. Гектор, пятилетний сын Елены, открыл дверь.

— Привет, Гектор. Можешь сказать маме, что я пришел?

Он кивнул своей темноволосой головой и убежал. Из открытой двери послышался голос:

— Соьер? Входи, *querido*¹. Она готова.

Я вошел в квартиру Елены, где пахло теплом, специями и стиральным порошком. По-домашнему. Она была немного загроможденной, но довольно чистой. Здесь жила семья. Елена — пухлая сорокапятилетняя женщина с густыми темными волосами, заплетенными в косу, и большими добрыми глазами — наклонилась и достала Оливию из манежа.

Маленькое личико Оливии засветилось, когда она увидела меня, и я улыбнулся, словно одурманенный. Ее голубые глаза были невероятно яркими и ясными, а распущенные кудряшки обрамляли пухлые щеки тринадцатимесячного ребенка.

Она потянулась ко мне.

— Папочка!

Ни «па» или «па-па» — папочка. Все слоги. Мое глупое сердце растаяло.

¹ Дорогой (*исп.*).

Елена передала ее с мягкой улыбкой, и Оливия сразу же обхватила меня своими маленькими ручками за шею.

— У нее был хороший день. Съела весь свой горошек.

— Правда? Ты была хорошей девочкой? — Я поцеловал Оливию в щечку и полез в карман за бумажником. Она ухватилась за него, и мне пришлось отдать его ей, перед этим вытаскив чек.

— Спасибо, Елена.

— С удовольствием, Сойер, — ответила она, убирая в карман оплату за неделю. Протянув руку, погладила маленькое запястье Оливии. — Увидимся в понедельник, малышка.

Я вынул кошелек из рук дочки — и рта — и подхватил сумку с подгузниками.

— Скажи пока-пока.

— Пока-пока, — повторила Оливия.

Елена прижала руки к груди в районе сердца.

— Уже такая умная. Прямо как ее папочка.

Я улыбнулся.

— Давай, Ливви. Пойдем домой.

Глава 3

ДАРЛИН

Проклятый будильник сработал в половине шестого утра. Я вылезла из теплой постели, поставила вариться кофе на маленькой кухоньке, а потом зависла, закрыв глаза, под теплыми струями душа в крошечной ванной комнате. Еще никогда в жизни мне не приходилось так рано вставать, но друг из Нью-Йорка потянул за миллион ниточек, чтобы пристроить меня в шикарный спа-салон в дорогом районе города. Зарплата стоила того, что просыпаться каждое утро, но *боже ты мой*.

— Так вот что значит быть ответственной? — проворчала я, второй раз выронив бутылку с шампунем.

После душа, завернувшись в полотенце и обернув другое вокруг головы наподобие тюрбана, я по-

тягивала кофе на кухне, удивляясь, что за окном еще не рассвело.

«Быть ответственной, — решила я, — полный отстой».

Спустя некоторое время утренняя сонливость ушла, оставив после себя удивительное чувство бодрости.

Я встретила рассвет моей новой жизни, и мне все равно, насколько глупо это прозвучало. Прекрасное чувство.

Я надела бежевую юбку, мужскую рубашку на пуговицах, натянула темно-бордовые гольфы до бедра и черные армейские ботинки. Перед зеркалом в ванной нанесла темные тени и густо обвела голубые глаза черным карандашом, в уши вставила золотые серьги-кольца и собрала длинные каштановые волосы в хвост. Я все еще выглядела, как типичная жительница Нью-Йорка.

И не могла решить, хорошо это или плохо.

Уже на улице я натянула свой любимый «бабушкин» свитер и взвалила на плечи фиолетовый рюкзак. Солнце наконец-то взошло, почти физически ощущалось начало дня. Улицы были тихими. Сонными.

Приложение на телефоне подсказало, что мне нужна линия J, чтобы добраться до станции «Эмбаркадеро». Спустя двадцать минут я оказалась в районе кондоминиумов, современных лофтов и магазинов с видом на залив. Согласно моей карте, пристань и другие туристические развлечения находились, так сказать, за углом, — еще в десяти минутах езды на поезде. Этот район показался мне

слишком тихим, и я задумалась: а будет ли у меня достаточно клиентов, чтобы держаться на плаву, или придется искать вторую работу.

«Но, если ты устроишься на вторую работу, у тебя совсем не останется времени на танцы».

И я снова не могла решить, хорошо это или плохо.

Но, как оказалось, беспокоиться мне не о чем. Спа-салон «Серенити¹» со сверкающей витриной поражал красотой, от него буквально разило богатством, и даже в такую рань он был переполнен клиентами.

Моя начальница, Уитни Селлерс, выглядела лет на тридцать пять с волосами, покрашенными в клубничный блонд, и строгими голубыми глазами. Нахмутив брови, она оглядела меня с головы до пят.

— *Дарлин*, верно? — сказала она, как будто мое имя пришлось ей не по вкусу.

Я кивнула.

— Да, здравствуйте. Приятно познакомиться.

Она протянула мне руку для короткого и довольно жесткого пожатия.

— Я бы не стала на твоём месте сильно привязываться к этому месту, — сообщила она. — Слишком высокая текучка кадров. Я сыта по горло увольнениями и наймами каждую неделю. Ты начинаешь через десять минут, и тебе нужна форма. — Она оценила мой наряд. — Ужасно.

¹ В пер. с англ. — безмятежность, спокойствие, умиротворение.

Мне выдали белые фланелевые штаны и мягкую белую рубашку с короткими рукавами. Я переоделась в уборной для сотрудников и взглянула на себя в зеркало.

— Выгляжу как медсестра, — пожаловалась я Уитни, когда вышла к ней.

— В этом и смысл. Теперь ты работаешь в сфере здравоохранения и делаешь лечебный массаж ради оздоровления наших клиентов. — Она снова изогнула бровь. Казалось, что здесь говорили бровями. — Понятно? Все. Иди. Первый клиент уже ждет.

Мне потребовалось всего три минуты, чтобы понять, что атмосфера безмятежности здесь предназначена только для клиентов. Для места, пропитанного роскошью и умиротворением, сотрудники выглядели напряженными до предела.

— Тебе нравится здесь работать? — спросила я одну из своих коллег в комнате отдыха, когда закончила с первым клиентом. Девушка посмотрела на меня странным взглядом.

— Ты, должно быть, новенькая, — ответила она, потирая плечо. — Это как замешивать тесто часами напролет. Но где еще ты сможешь столько зарабатывать в час?

«Продавая гурь на тусовках», — вспомнила свой печальный опыт я, но не сказала этого вслух.

Этот спа-салон стал изысканным дополнением к моей новой жизни, и я поклялась себе никогда не возвращаться к старому. Я собиралась сохранить себя такой же чистой и нетронутой, как моя новая униформа. Но уже к концу смены мои руки словно

весили по сто фунтов каждая, а плечи вопили от боли.

— Мне просто нужно привыкнуть, — бормотала я себе под нос на улице. Это как новая танцевальная программа. Сперва все тело ноет от бесконечных повторений одних и тех же движений, а затем ты приспособливаешься. Нет, даже больше. Ты побеждаешь.

Раздался лязг канатной дороги, и я увидела парусник, медленно проплывающий по заливу. Улыбка расплзлась по моим губам.

— Я сегодня хорошо поработала.

И тут мой взгляд упал на ближайший ко мне столб, увешанный объявлениями и листовками: кто-то предлагал уроки игры на гитаре, кто-то разыскивал пропавшую кошку... и тут же висела реклама независимой труппы современных танцев, которая через несколько недель устраивала представление в театре в районе Мишн. Они проводили прослушивание. Всего одно место. Девушка-танцовщица для шоу.

Я прикусила губу. Канатная дорога сворачивала за угол, направляясь в противоположную сторону от той, куда было нужно мне. Но сегодня я ощущала себя достаточно храброй, чтобы запрыгнуть в фуникулер, не боясь потеряться в городе.

Вагончик остановился, и я пошла к нему. Проходя мимо столба, рука сама собой потянулась к объявлению с заветным телефонным номером. Я сунула клочок бумаги в карман и отправилась в неизвестном направлении.

После целого вечера, проведенного на Пирсе 39, где я занималась всеми туристическими делишками и наслаждалась шоколадными конфетами с площади Жирарделли, празднуя новую себя, я наконец возвращалась домой, перемещаясь на автобусах и поездах.

Дюбус-стрит утопала в последних золотистых лучах, а красивые дома, окруженные деревьями и цветами, выглядели поистине идеально. Как на почтовой открытке. Я улыбнулась и достала телефон, чтобы сфотографировать кремовый дом в викторианском стиле.

«Я живу здесь!» — набрала сообщение Карле, своей сестре, и прикрепила изображение.

Никакого ответа.

Я сказала себе, что она занята семейными хлопотами или ужинает. В конце концов, в Нью-Йорке было уже семь часов вечера.

На первом этаже раздавались чьи-то голоса. Дверь в первую квартиру была распахнута, на пороге стояла латиноамериканка средних лет и разговаривала с молодым человеком примерно моего возраста. Одной рукой он укачивал малыша, а в другой держал портфель, на его плече висела сумка — вероятно, с детскими вещами. У него были короткие темно-русые волосы с мягкими, непослушными кудрями, пронзительные карие глаза, обрамленные длинными ресницами, квадратная

челюсть и пухлые губы, которые в данный момент были плотно сжаты.

Я могла бы продолжать мысленно оценивать его внешность в течение нескольких дней, но буквально за секунду мой мозг быстро суммировал все черты его лица и пришел к окончательному выводу, что этот парень был чертовски великолепен.

«Серьезно? Только не говорите, что мистер Мамочка — мой сосед».

Они замолчали, как только заметили меня. На лице женщины расплылась теплая, приветственная улыбка. Парень же уставился на меня со смесью тревоги и презрения.

— Вы кто? — грубо спросил он, поправляя сумку на плече и устраивая девочку на своих руках. Шесть футов сексуальности в помятом костюме с подозрением смотрели на меня.

Женщина еле заметно шлепнула его по руке.

— Сойер, будь хорошим мальчиком.

— Я... я ваша новая соседка? — это прозвучало, скорее, как вопрос, будто мне требовалось разрешение от этого парня на проживание здесь. Я резко выпрямилась. — Я Дарлин. Недавно сюда переехала. Я танцую. Ну, танцевала. Пришлось взять небольшой перерыв, но собираюсь скоро вернуться к этому... что-то типа того, — и выдала свою самую дружелюбную улыбку. — Сейчас я работаю массажисткой. Совсем недавно получила сертификат и...

Мой словесный поток иссяк под испепеляющим взглядом Сойера.

— Танцовщица. Фантастика, — с горечью сказал он. — Всегда мечтал о том, чтобы надо мной

постоянно кто-то стучал и прыгал, будил ребенка и отвлекал меня от учебы.

Я уперла руки в бока.

— Моя квартира слишком маленькая для танцев, и к тому же...

Я снова потеряла дар речи, заметив, как острые скулы и резкие черты лица Сойера разгладились, когда его дочь — полагаю, ей было около года — хлопнула своей маленькой ладошкой по его подбородку. Взгляд Сойера смягчился, на лице появилась улыбка — прекрасная улыбка, которую он приберегал только для этой малышки, и наполненная любовью такой силы, что на мгновение мне стало трудно дышать.

— Очень рады познакомиться с тобой, Дарлин, — вмешалась женщина. — Я Елена Мелендез. Это Сойер, а его ангелочка зовут Оливия. Они живут наверху.

— Я тоже, — ответила с легкой усмешкой я. — На третьем этаже, имею в виду. Очевидно, — добавила с тихим смешком. — В студии.

— Снимаешь у Рэйчел, да? — Елена улыбнулась. — Она милая девушка.

— И *тихая*, — добавил Сойер, заработав очередной толчок от Елены.

— Да. Сняла на полгода, пока Рэйчел в поездке с «Гринпис».

— Добро пожаловать.

Сойер убрал маленькую ладошку от своей щеки и поцеловал девочку, а затем, пробурчав что-то неразборчивое себе под нос, прошел мимо меня и направился к лестнице. Я почувствовала прият-

ный аромат парфюма и детской присыпки, и меня поразило странное ощущение. Словно в каждой молекуле моего тела проснулась неведомая для меня сексуальная и материнская энергия, вспыхнув в ответ на мужественность Сойера и детскую непосредственность Оливии.

«О мой бог, охлади пыл, девочка. Скорее всего, он женат и, без сомнения, говнюк».

Но не его дочь. Через плечо Оливия наблюдала за мной и улыбалась. Я помахала ей рукой.

Она помахала в ответ.

— Он славный парень, — сообщила Елена со вздохом, наблюдая, как Сойер скрывается за углом.

— Поверю на слово. — Я выдохнула с облегчением, когда он унес с собой странное витающее в воздухе напряжение и целый арсенал сильнодействующих феромонов. — Его взгляд может шлифовать алмазы. А вот его дочь милашка. Сколько ей?

— Тринадцать месяцев. Я нянчусь с ней с младенчества и наслаждаюсь каждой секундой. И делала бы это бесплатно, но Сойер настаивает на «полной оплате». — Женщина, наклонившись ко мне, заговорщически прошептала: — Но он не знает, что я занизила свою ставку. Я с радостью помогаю ему. Он так много работает. День и ночь.

— Чем он занимается?

— Учится на адвоката, — сказала она с гордостью. — Почти закончил.

— Эм, а что делает мама Оливии? — спросила я, шаркнув своим ботинком по тонкому ковровому покрытию.

«Умоляю, скажите мне, что она счастлива в браке».

— Я ее никогда не видела.

— О? Это... плохо.

— Сойер никогда не упоминал о ней, а я и не спрашивала. Думаю, если захочет, сам расскажет, но пока он молчит. Как партизан. У парня золотое сердце, но он такой серьезный, все время напряжен. Я беспокоюсь за него. — Она тепло улыбнулась. — Я всегда говорю ему, что его красивое лицо создано для улыбок, но он бережет их для Ливви.

— Я заметила.

Елена погладила меня по руке.

— А ты чем занимаешься, Дарлин? Говоришь, ты массажистка?

— Да, сегодня начала.

— Разве это не удивительно... — Улыбка ее стала шире, а взгляд метнулся вверх, на небеса или к квартире Сойера. — *Dios trabaja de maneras misteriosas*¹.

— О чем это вы?

— Да так. Расскажу когда-нибудь.

Маленькая темноволосая девочка с большими глазами выглянула из-за бедра Елены.

— Это Лаура. Ей два года, еще у меня есть сын, Гектор, ему пять. Мой муж работает допоздна, но когда-нибудь вы познакомитесь.

Я улыбнулась и помахала девочке рукой.

— Да у вас действительно полно хлопот.

¹ Пути господни неисповедимы (исп.).

— Так и есть, — ответила Елена, — иначе я бы пригласила тебя в дом, как настоящая хозяйка, и приготовила бы ужин. Но мне надо купать этих двоих.

— Очень мило с вашей стороны. Может, в другой раз? — спросила я с надеждой в голосе. Елена показала мне моделью идеальной матери, и меня захлестнула волна тоски по дому с примесью одиночества. Мне внезапно захотелось сесть на ее диван, положить голову ей на плечо и выплеснуть всю накопившуюся внутри боль.

«Ты ведешь себя нелепо. Никто ничего не должен знать. Не в новой жизни».

— Кстати об ужине, — спохватилась я, — мне пора идти. С момента переезда я, кроме предметов первой необходимости, кофе и тампонов, ничего так и не купила. — Где здесь ближайший магазин?

— В округе есть Safeway и Whole Foods. Вниз по четырнадцатой улице.

— Идеально, спасибо большое, Елена.

— Обращайся, *querida*. Я рада, что ты здесь, и надеюсь, в скором времени и Соьер почувствует то же самое.

Я моргнула и рассмеялась.

— Уверена, что он и не вспомнит обо мне. В Нью-Йорке можно по несколько месяцев не встречаться со своими соседями по многоквартирному дому.

— Но это не многоквартирный дом, так ведь? Это маленький, уютный дом. Домик. — Тепло улыбнулась Елена. — Вот увидишь.

Глава 4

ДАРЛИН

Вернувшись к себе в квартиру, я переоделась в штаны для йоги и черный танцевальный боди. Я решила, что самый лучший способ избежать боли в мышцах от работы — это каждый вечер делать растяжку.

Устроившись на полу своей маленькой гостиной, между диваном и телевизором, я начала делать упражнения, но далеко не продвинулась. Не прошло и пары минут, как я поняла, что очень голодна, а полки были пусты. Накинув серый свитер и ботинки, я схватила фиолетовый рюкзак и отправилась на улицу.

На втором этаже я замешкалась. Не нужно ли Сойеру что-нибудь? Должно быть, не легкое это дело — ходить по магазинам с младенцем на руках.

Я подняла руку, чтобы постучать, и мысленно повторила свою клятву: не иметь никаких дел с мужчинами. Не стоит лишний раз истязать себя.

«Или ты поведешь себя, как взрослая, всегда готовая помочь женщина. Обычно так и поступают соседи».

Я осторожно постучала в дверь, но никто не ответил.

— Ну и ладно. Я хотя бы попыталась.

Развернувшись на пятках, торопливо спустилась вниз.

Солнце почти скрылось за горизонтом, заливая улицы золотистым светом, а воздух казался теплее, чем я ожидала. Перед самым отъездом из Нью-Йорка Бекс поведал мне одну очень известную поговорку о городе: самая холодная зима на свете — это лето в Сан-Франциско. Но сейчас была середина июня, и не наблюдалось ни единого намека на холодный ветер, о котором меня предупреждали. Я добавила эту теплую ночь к моему мысленному списку всего хорошего в этом городе. Сущяя мелочь; но если хоть на секунду позволить себе задуматься о Бекетте, Зельде или о своей семье, одиночество просочилось бы сквозь меня. И стало бы совсем плохо, потому что в такие моменты я была склонна творить глупости.

«С этим дерьмом покончено, — сказала я сама себе. — Я абсолютно другой человек».

Весь оставшийся путь я постаралась сосредоточиться на городе. Мой квартал с викторианскими постройками быстро уступил место торговым башням и магазинам на Маркет-стрит, которая, как

я поняла, являлась главной артерией города. Whole Foods взывала к моему желанию о здоровом и правильном питании, а Safeways — к скудному банковскому счету. Но, осмотрев продуктовые ряды с корзиной в руках, я решила поискать бакалейную лавку. Супермаркеты в Сан-Франциско, как и все остальное, было чертовски дорогим.

Я обогнула стеллаж и задела своей корзиной нового соседа, Сойера.

— Ты, — прошептала я, пытаясь вернуть контроль над разумом, который буквально парализовало при виде его.

Он сменил костюм на джинсы, толстовку с капюшоном, надетую поверх зеленой футболки, и бейсболку. Оливия сидела в детской коляске, а корзина под ней была заполнена свежими фруктами и овощами.

С такого близкого расстояния Сойер показался мне еще более привлекательным, но уставшим. Очень, очень уставшим.

— О, — ответил он, — привет.

— Кажется, нас не представили друг другу должным образом, — я протянула руку. — Дарлин Монтгомери. Твоя новая соседка сверху, которая не собирается, как ты там сказал? Скакать и прыгать посреди ночи?

— Прыгать и стучать, — ответил он без намека на улыбку, быстро пожав мне руку. — Сойер Хаас.

На мгновение я потерялась в его карих глазах, и слова так и остались на кончике языка. Я нашла спасение в малышке между нами, опустившись на колени перед тележкой.